

Предпринимательская деятельность Новгородской республики как предпосылка модернизации: культурно-философский аспект постановки вопроса

Entrepreneurial activity of the Novgorod republic as a background for modernization: the cultural and philosophical aspect of the phenomenon

doi 10.26310/2071-3010.2021.271.5.009

А. А. Антипов,
к. филол. н., доцент,
✉ aantipov80@mail.ru

A. A. Antipov,
PhD, associate professor

А. С. Николаев,
к. э. н.
✉ nikand@itmo.ru

A. S. Nikolaev,
PhD, associate professor

Факультет технологического менеджмента и инноваций, Университет ИТМО
Faculty of technological management and innovation, ITMO University

В работе выявлены социокультурные и философские предпосылки предпринимательской деятельности Новгородской республики XII-XV вв. Детерминационная модель оценки социокультурного потенциала предмодернизации показала, что основным вектором социально-экономического развития республики было торговое предпринимательство. Анализ развития новгородского предпринимательства на уровнях хабиитуализации, типизации, институционализации, легитимации обусловил выводы о том, что новгородский социум в полной мере соответствовал критериям предмодернизации европейского типа и являлся органичной частью европейского торгового-экономического пространства своего времени, реифицировав торговое предпринимательство на всех уровнях. При этом вектор инновационного предпринимательства как основной вектор европейской модернизации не получил развития, а вектор торгового предпринимательства, достигнув уровня институционализации, оказался прерванным вследствие прекращения существования республики.

The authors of the study identified the socio-cultural and philosophical prerequisites for entrepreneurial activity in the Novgorod Republic of the XII-XV centuries. The work was applied deterministic model for assessing the socio-cultural potential of pre-modernization. The study showed that trade entrepreneurship was the main vector of the socio-economic development of the Republic. An analysis was also made of the development of Novgorod entrepreneurship at the levels of habitulation, typification, institutionalization and legitimation. This made it possible to determine that the Novgorod society fully met the criteria of pre-modernization of the European type and was an organic part of the European trade and economic space of its time, having reified trade entrepreneurship at all levels. At the same time, the authors noted that the vector of innovative entrepreneurship in the Republic did not develop, despite the fact that it was the main vector of European modernization. At the same time, the vector of commercial entrepreneurship reached the level of institutionalization, but was interrupted due to the termination of the existence of the Republic.

Ключевые слова: инновационная деятельность, Новгородская республика, торговое предпринимательство, хабиитуализация, типизация, институционализация, легитимация, предмодернизация.

Keywords: innovation activity, the Novgorod Republic, commercial entrepreneurship, habitulation, typification, institutionalization, legitimation, pre-modernization.

1. Теоретико-методологическое обоснование темы, целей и задач исследования

В феврале 1478 г. по приказу Ивана III из покоренной и прекратившей существование Новгородской республики был вывезен вечевой колокол [1], что стало политическим и символическим актом окончания уникального этапа свободного предпринимательства в русской истории.

При этом общим местом зарубежных и отечественных исторических, социологических, культурно-философских исследований в ответе на вопрос, почему феномен предпринимательства до настоящего времени не аутентичен русской культуре, является указание на отсутствие в нашем социокультурном пространстве предпосылок формально-рационального начала

(М. Вебер), приводящего к рационализации социальных практик [2], или, говоря словами В. Зомбарта, «предпринимательского духа»¹. Их место занимали и занимают коллективизм, патронимия, отсутствие демократии, высокая дистанция власти и другие факторы, образующие своеобразный неинновационный «культурный код»².

В противоположность негативному мейнстриму убедительно звучат позиции представителей разных научных областей отечественной мысли³ о том, что культурный потенциал России имел необходимые катализаторы для формирования предпринимателя именно европейского типа, представленного, например, в работах В. Зомбарта, М. Вебера, Й. Шумпетера⁴ и осуществляющего «созидательное разрушение» на пути к модернизации.

¹ В числе крупных зарубежных исследователей, наряду с В. Зомбартом [3], укажем М. Вебера [4], Ф. Броделя [5], С. Хедлунда, Р. Пайпса, М. Раева, Дж. Биллингтона [6]. В ряду отечественных авторов: П. Я. Чаадаев [7], М. К. Мамардашвили [8], А. А. Давыдов [9].

² Данная проблема подробно рассмотрена в следующих исследованиях: Лебедева [22], Культура имеет значение [10], Давыдов [9].

³ Политолога А. Г. Глинчиковой [11], историка В. В. Гуляевой [12], культуролога Н. В. Харсеевой [13] и др.

⁴ Мы имеем в виду такие хрестоматийные работы, как «Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека» [14], «Протестантская этика и дух капитализма», «Капитализм, социализм и демократия».

Следует отметить, что новгородское предпринимательство нельзя в полной мере соотносить с теми парадигмами выстраивания бизнеса, которые составляют основу современной картины мира в данном направлении. В частности, новгородское право не предусматривало институционализацию интеллектуальной собственности, что было достаточно характерно для всех европейских государств вплоть до эпохи Возрождения. Тем не менее, в данный период времени интеллектуальные права закреплялись за авторами в виде определенных индивидуальных привилегий, которые чаще всего давались мастерам, выполнившим для города важный заказ или придумавшим оригинальный способ решения сложной задачи. Чаще всего подобные привилегии получали местные зодчие или ремесленники, занятые при создании храмов, а также предметов утвари. Такие привилегии означали включение мастера в число уважаемых жителей города, имели под собой и материальную сторону в виде порядков или жалования. Благодаря подобному формату закрепления прав на результаты интеллектуального труда современные исследователи получают данные об имени автора. Часть привилегий давала возможность осуществлять торговлю определенными товарами или с определенными государствами, что имеет сходные черты с современными механизмами лицензирования. Не была исключением в данной сфере и Новгородская республика, в которой существовали разнообразные способы поощрения талантливых изобретателей, а также инструменты борьбы с поддельными товарами.

Для ответа на вопрос о том, насколько действительно русскому социокультурному пространству свойственно свободное предпринимательство, необходимо обратиться к примерам, где данный опыт был максимально аккумулирован и систематизирован — к предпринимательству Новгородской республики.

Объектом исследования являются классические социокультурные и философские предпосылки предпринимательской деятельности в контексте предмодернизации⁵. Предмет — предпринимательская деятельность Новгородской республики как предмодернизационный опыт России.

Цель работы — показать наличие либо отсутствие предпосылок предмодернизации в русской культуре на примере предпринимательской деятельности Новгородской республики. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- сформировать детерминационную модель оценки социокультурного потенциала предмодернизации предмета исследования на основе компиляции культурно-социологических и историко-экономических теорий;
- проанализировать уровень хабиутулизации предпринимательской деятельности Новгородской республики;
- рассмотреть институциональный уровень предпринимательской деятельности в фокусе феномена «новгородской демократии»;

- определить потенциал предпринимательской деятельности на уровне легитимизации новгородского «народовластия»;
- дать оценку роли феномена предпринимательской деятельности Новгородской республики для современного понимания влияния культурных факторов на проблемы модернизации страны.

Новизна работы заключается в том, что впервые будет предложена и применена синкретичная детерминационная модель оценки социокультурного предмодернизационного потенциала определенного предмета на примере Новгородской республики и представлены ее результаты.

Теоретическая значимость — в возможности использования методологии анализа на других предметах исследования (исторических этапах, социокультурных общностях, институтах и т. п.).

Методология исследования представлена:

- сочетанием компаративистского, ретроспективного и синхронического методов, позволяющим не только сравнивать разные эпохи, но и рассматривать определенный исторический период с помощью современных оценочных средств;
- тезаурусным подходом с целью максимальной аккумуляции и использования понятийного аппарата феномена предпринимательства как аспекта модернизации;
- структурно-семантическим методом, детерминационным анализом и методом моделирования для схематизации рассматриваемого явления и представления его в динамике.

В работе будет использован научно-методологический инструментарий работ по истории становления и развития капитализма Ф. Броделя [5], В. Зомбарта [3], теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [12], культурные характеристики Г. Хофстеда [13], институциональный анализ А. Грейфа [14] и исследования феномена модернизации таких отечественных исследователей, как А. Г. Глинчикова [11], А. А. Давыдова [9, 15], О. Е. Котенева [16], Р. Л. Корчагина [17] и др.

2. Детерминационная модель оценки социокультурного потенциала предмодернизации

Предлагаемая модель является результатом сопоставления показателей национальной ментальности Г. Хофстеда [13], «трехэтажной» структуры экономики Ф. Броделя [5], теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [12] и типов предпринимательской деятельности В. Зомбарта [3]. В результате образуется пятиуровневая модель, которая позволяет не только оценить социокультурный потенциал предмодернизации (ПРДМ), но и проследить весь путь оцениваемого объекта к формализуемым итогам.

Мы возьмем за основу наиболее простой нематематический векторный способ формализации результатов уровневого анализа, где каждый параметр будет рассматриваться со следующих позиций:

- 1) как получивший развитие и ставший детерминантом (Д) следующего уровня,

⁵ Мы будем использовать приставку «пред», так как речь идет о временном периоде задолго до реальной европейской модернизации.

↗ ↘ векторы					
Кол-во Д (потенциал ПРДМ)					
Д/Д/НД					
Критерии ПРДМ	Низкая дистанция власти	Низкий уровень избегания неопределенности	Ориентация на настоящее	«Предельный индивидуализм»	Маскулинность

Рис. 1. Уровень I. Предпосылки предмодернизации

2) как имеющий существенные контртенденции (Д^к) или не ставший детерминантом (НД).

На первом уровне (рис. 1) заложены индексы Хофстеда, которые позволяют оценить потенциал именно западноевропейского типа модернизации: низкая дистанция власти, низкий уровень избегания неопределенности, индивидуализм, маскулинность, краткосрочная ориентация⁶. Анализ второго уровня детерминирует итоги первого и покажет распределение детерминантов по двум векторам инновационно-торгового или торгового предпринимательства.

На втором уровне (рис. 2), в соответствии с теорией Бергмана и Лукмана, рассматривается хабитуализация предпринимательской деятельности (ПД) или, говоря словами Броделя, этаж «материальной жизни» [5]: мы исходим из положения Зомбарта о том, что предпри-

нимательство и мещанство в качестве двух духовных свойств (в предпринимательском смысле) образуют буржуазность [3] и выделяем их как два разных пути с соответствующими поведенческими маркерами. Количество детерминантов показывает относительно равное распределение или доминирование одного из векторов. Третий уровень (рис. 3) отражает типизацию или этаж «материальной жизни» по Броделю: реификация предпринимательской и мещанской⁷ деятельности должна приводить к индивидуализации и стратификации.

Четвертый уровень, институционализация (рис. 4), позволяет увидеть, насколько характер сформировавшихся ценностей на предшествующих уровнях обуславливает или не обуславливает такие значимые результаты, как появление институциональных элементов трансакционного характера.

Кол-во Д (основной вектор ПД)								
Д/Д/НД								
Хабитуализация ПД	Стремление к экспансии	Продуктивное комбинаторное мышление (Б)	Искусство коммуникации	Индивидуализм и волонтаризм	Рациональное хозяйствование, умеренность (Б)	Коммерческая солидность	Отчетность	Намеренная ординарность, («стадность»)
	Инновационно-торговое предпринимательство: пассионарный путь домодернизации				Торговое предпринимательство («мещанство»): непассионарный путь домодернизации			

Рис. 2. Уровень II. Хабитуализация

⁶ Связь данных индексов с глобальным индексом инновационного развития западных и, конкретно, западно-европейских стран убедительно доказана социологом А. А. Давыдовым [15].

⁷ Очевидно, что в реальной действительности эти типы деятельности не исключают друг друга, а, скорее, дополняют. Но здесь, вслед за Зомбартом, данное разведение подчеркивает экономическую деятельность, сопряженную с героизмом, риском, направленную на преобразование окружающего мира, и просто коммерческую деятельность без подобных преобразований.

Типизация	Индикаторы	Д/Д/НД	Кол-во Д
Рейфикация инновационного предпринимательства	Перманентные преобразования как ориентация на будущее		
	Стратификация предпринимателей-инноваторов (Б)		
Рейфикация торгового предпринимательства	Индивидуализация и дифференциация как естественный процесс		
	Сохранение стабильности как ориентация на прошлое и настоящее		
	Стратификация предпринимателей-торговцев (Б)		
	Коллективизм как регулятор соц.-экономической деятельности		

Рис. 3. Уровень III. Типизация

Пятый уровень (рис. 5) — легитимация и итоговая оценка предмодернизации, цельности «символического универсума» [12]: здесь мы можем ответить на уровневый вопрос о том, насколько институциональные элементы (или институты) транзакционного характера предмодернизации, стали преемственным, реально или потенциально транслируемым, а также на главный вопрос: можно ли считать предмодернизацию полной, неполной или несостоявшейся в зависимости от количества детерминантов и их распределения в пассионарной и непассионарной частях матрицы.

В каждой части выделены базовые детерминанты (Б), которые отражают непосредственную деятельность индивидов как катализатора всего вектора.

Состоявшейся можно считать предмодернизацию (европейского типа) только по детерминантам в левой пассионарной части и обязательном наличии базового вне зависимости от правой: три детерминанта, включая базовый — полная; два, включая базовый, неполная, один — несостоявшаяся, но если это базовый детерминант, то неполная. Если одна из частей теряет базовый детерминант, то остальные векторы рассматриваются как примыкающие к части с базовым детерминантом⁸. Развитие векторов только правой, непассионарной части, вне зависимости от количества детерминантов, свидетельствует о немодернизации, но дает возможность увидеть те социоэкономические, психологические процессы, которые,

Институционализация	Индикаторы	Д/Д/НД	Кол-во Д
Транзакционные элементы инновационного предпринимательства	Институциональные элементы формирования будущего		
	Институциональная среда инновационного предпринимательства (Б)		
	Институциональная среда индивидуализации и дифференциации		
Транзакционные элементы торгового предпринимательства	Институциональная среда традиционализма		
	Институциональная среда торгового предпринимательства (Б)		
	Институциональная среда формирования коллективных представлений социума		

Рис. 4. Уровень IV. Институционализация

⁸ Что будет обозначаться соответствующими символами: \vec{D} , \overleftarrow{D} .

Итоги ПРДМ	Состоявшаяся		Неполная		Несостоявшаяся	
	Кол-во Д					
Индикаторы	Д/Р/ПД		Д/Р/ПД		Д/Р/ПД	
	Перфекционизм как норма мышления деятельности					
Инновационное предпринимательство как воспроизводящийся тип деятельности (Б)						
Прогрессирующая индивидуализация и дифференциация						
Традиционализм как норма мышления и деятельности						
Торговое предпринимательство как воспроизводящийся тип деятельности (Б)						
Институты формирования коллективных представлений социума						
Легитимация	Инновационное предпринимательство как преемственный транзакционный институт			Торговое предпринимательство как преемственный транзакционный институт		

Рис. 5. Уровень V. Легитимация. Итоги предмодернизации

с одной стороны, можно рассматривать как препятствия классической модернизации, а с другой, — как иной, возможно, восточный тип модернизации, преддверие «нового нового времени» (В. Г. Федотова) [18].

3. Критерии предмодернизации Новгородской республики

Первый же критерий, низкая дистанция власти, является в Новгородской республике наиболее выраженным. Исследование взаимоотношений Новгорода с Великими князьями, проведенное С. М. Соловьевым, убедительно доказывает следующее: народовластие началось с «началом самого города» [19] и характер власти князя на протяжении всей истории Новгородской республики носил представительный и посреднический характер [19]. При этом важно отметить, что вся история Великого Новгорода, и особенно Новгородской республики после 1136 г., — это не стремление к анархии, отказу от фигуры князя или постоянное вытеснение князя как препятствующего новгородскому народовластию, а, напротив, стремление найти идеального князя, который будет поддерживать и блюсти установленные и включающие княжеские функции правила, которые без его участия работать не будут. Хотя С. М. Соловьев считает данное народовластие принесенным извне и не обретшим правительственного начала [19], а также указывает на то, что ревностное отстаивание новгородцами собственных прав перед лицом князя было противоположно внутреннему порядку [19], мы видим не злополучную хедлундовскую патронимию [19], а именно выстраивание структуры управления снизу с контролируемой дистанцией по отношению к призванному руководителю. В несоблюдении установленных правил, согласно новгородской

Первой летописи, и был обвинен изгнанный в 1136 г. Всеволод⁹, что послужило началом республики.

Постоянная смена неподходящих князей является и показателем низкого уровня избегания неопределенности. Новгородцы не исходили из принципа чеховского Беликова «как бы чего не вышло», не позволяли княжеской власти приобрести характер неизбежной силы, исчезновение которой немислимо, так как влечет пугающую неизвестность, — характер, который и сегодня свойственен отстающим «национальным инновационным системам» [9]. Неизвестность была для жителей новгородской республики нормой в ожидании продуктивного равновесия сил вопреки традиционалистскому желанию установленной сверху искусственной стабильности. Именно об этом очень точно пишет Соловьев: «Это беспрестанное склонение (князей — А. А.), эта жизнь среди непрерывного покоя усиливала волнения внутренние, но между тем усиливала энергию народа» [19].

Очевидна и краткосрочная ориентация новгородского общества, но с определенной спецификой: новгородцы, по неоднократному замечанию Соловьева, ревностно блюли необходимость следования всеми князьями букве «Ярославлих грамот», т. е. были ориентированы на настоящее через прошлое, что, опять же, по мнению Соловьева, и привело к трагическому разрыву к уходящей в централизованное будущее Русью [19].

Критерий предындивидуализма можно считать условным для оценки новгородского общества. Но его обнуление было бы несправедливым по отношению к новгородскому социуму. С одной стороны,

⁹ Всеволод Мстиславич был обвинен в том, что не заботился о земледельцах, бросал Новгород ранее и проявил трусость [20].

 векторы					
Кол-во Д (потенциал ПР/ДМ)	<i>Пять Д (один Д*)</i>				
Д/Д*/ДД	Д	Д	Д	Д*	Д
Критерии ПР/ДМ	Низкая дистанция власти	Низкий уровень избегания неопределенности	Ориентация на настоящее	«Предындивидуализм»	Маскулинность

Рис. 6. Оценка критериев предмодернизации Новгородской республики

в пространстве новгородского социума есть много фактов, указывающих на важную роль индивидов и их волюнтаристские действия. Новгородцам было важно, кто является князем, епископом, занимает должность посадника, тысяцкого и другие, влияющие на жизнь полиса [1]: нам известны имена не только всех князей, архиепископов, но и почти всех посадников, а также тысяцких. Волюнтаристские действия архиепископа Иоанна II, как известно, сохранили целостность республики [21]. Более того, если рассматривать новгородское общество как единый субъект, актор, то такие черты, как осознание своей уникальности, господского положения, выделенности и противопоставленности общему, что, по словам Соловьева, значило «Новгород не хотел быть Русью» [19], — это именно предпосылки предындивидуализма, ярко выраженные и в юридических актах, требующих от очередного князя следовать «всей их (новгородцев — А. А.) воле» [19]. С другой, имевший место охлократический характер междоусобиц [21], отсутствие индивидуализации ответственности, которая возлагалась на родственников, соседей и т. д. [22], а также другие факты, элиминирующие роль индивида, явные контртенденции внутри осознания общей индивидуальности.

Если российскую культуру, по методике Хофстеда, как правило относят к фемининной культуре [23], то новгородский социум имел ярко выраженные маскулинные черты: берестяные грамоты и летописи свидетельствуют об ориентации на материальный успех [24], независимость, о культе силы, открытой конкуренция (в том числе нескольких вече [19]) и других чертах, характерных для стран, ставших движителями модернизации в Новое время (англоязычные и немецкоязычные страны).

Как показывает анализ первого уровня (рис. 6), потенциал предмодернизации европейского типа в Новгородской республике имел четыре полных и один ослабленный контртенденцией детерминант, то есть был почти максимально высоким, получив неоднозначное развитие на последующих уровнях.

4. Повседневность Новгородской республики как зеркало предмодернизации

По словам исследователей истоков русского предпринимательства, уже первый свод законов «Русская правда», на которую во многом был ориентирован Новгород, «пронизан духом предпринимательства» [26].

Трудно согласиться именно с таким категоричным утверждением, но при этом нельзя не отметить, что «Русская правда» заложила основы монетизации деятельности индивида [27], что впоследствии обрело яркие формы в республике на почве коммерциализации.

Несмотря на то, что Новгородскую республику действительно можно считать самым характерным городом русского предпринимательства [28], важно понять, насколько тип предпринимателя здесь соответствует дефиниции Зомбарта: с «выраженной интеллектуально-волюнтаристической одаренностью, которую они должны обладать сверх обычной степени, чтобы совершить великое» [3].

Как известно, Новгород являлся одним из крупнейших контрагентов Ганзейского союза в Восточной Европе. Более того, являясь торговыми воротами Руси для Ганзы, Новгород извлекал из этого экономическую выгоду именно за счет предпринимательства: преобразовывал сырье за счет ремесленного производства и продавал готовые изделия уже в самой Руси [29]. Это не было предпринимательством в духе Зомбарта и «созидающего разрушения» Шумпетера: новгородцы по-мещански, как «вещные» люди [3] использовали выгодное положение, в котором оказались, но не создавали сами новые условия, становясь их движителем. Поэтому такие индикаторы повседневности, как стремление к экспансии и комбинаторное мышление нельзя считать детерминантами пассионарного вектора. В противоположность этому, искусство коммуникации — несомненный детерминант. Коммуникация была одним из факторов успешного новгородского предпринимательства и, более того, сохранения в течение долгого времени самобытной целостности республики как на внутреннем (о чем свидетельствует

Кол-во Д (основной вектор ПД)	Два Д (один Д*)				Три Д (один Б, один Д*)			
	НД	НД	Д̄	Д̄ ^к	Д	Д	Д	Д*
Хабиитуализация ПД	Стремление к экспансии	Продуктивное комбинаторное мышление	Искусство коммуникации	Индивидуализм и волонтаризм	Рациональное хозяйствование, умеренность	Коммерческая солидность	Отчетность	Намеренная ординарность, («стадность»)
	Инновационно-торговое предпринимательство: пассионарный путь домодернизации				Торговое предпринимательство («мещанство»): непассионарный путь домодернизации			

Рис. 7. Оценка уровня хабиитуализации новгородского предпринимательства

судебная [25] и избирательная практика [30]), так и на международном уровнях, что отражено в различного рода договорных грамотах с князьями и представителями Ганзы [31].

Сложнее оценить индикатор индивидуализма и волонтаризма именно в отношении предпринимательской деятельности. Несомненно, иерархии купеческих гильдий и «Ивановское сто» [32], известные купцы, типа Климяты [29] являются следствием данных качеств. Но вряд ли их можно считать соответствующими пассионарному вектору и дефинициям Зомбарта: новгородский купеческий индивидуализм был, скорее, локальным, охранительным, нежели направленным на создание инновационных форм, и свидетельствовал о развитости таких черт, как рациональное хозяйствование, коммерческая солидность и отчетность, результатом и свидетельством которых является берестяная письменность [4]. Это не обуславливало намеренную ординарность, но свидетельствовало о возрастающем влиянии общего над частным, поэтому данный детерминант (рис. 7) можно считать детерминантом с контртенденцией.

Мы видим, что уже на уровне хабиитуализации вектор пассионарного торгового предпринимательства явно доминирует и к нему примыкают некоторые, не базовые индикаторы пассионарного вектора.

5. От типизации предпринимательской деятельности к проблемам институционализации в Новгородской республике

Если, в силу отсутствия базового детерминанта, инновационное предпринимательство не могло реифицироваться, можно ли считать так называемое торговое предпринимательство Великого Новгорода именно реифицированным типом деятельности? По словам Бергера и Лукмана, «институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [12], — берестяные и договорные грамоты, типизирующие общие правила как поведения горожан, так и Новгорода как субъекта действия, в том числе на

международном уровне, позволяют дать однозначно положительный ответ.

На факт, что берестяные грамоты отражают роль и значение Новгорода как ведущего центра торговли, мы указали ранее. В договорных грамотах новгородцев с князьями регулярно подчеркивается недопустимость изъятия товара у купцов [31, 35]. В договорах с западными партнерами, в том числе с ганзейскими городами, приоритет отдается именно взаимовыгодной торговле [31], а немецким купцам предоставлялся особый правовой статус [32]. При этом, когда московские (даже не новгородские) купцы были задержаны в Колывани, незамедлительно последовало требование их отпустить с аналогичными мерами к немецким купцам [31].

Перед нами явный пример реификации коммерческой деятельности и стратификации ее носителей: по отношению к фигуре купца, не только местного, а купца вообще, как носителя наиболее типичной и важнейшей функции торгового предпринимательства, в Новгородской республике осуществлялась внутренняя и внешняя протекция, причем на паритетных началах, а не путем уступок. Поэтому мир не заключался без «удовлетворения обид» [31]. Также важны и факты пресечения возможной дискредитации образа Новгорода в глазах зарубежных партнеров, когда под страхом казни от новгородца требуется вернуть взятые у посла деньги [31].

В свете вышесказанного мы можем говорить об одновременном развитии дифференциации, но без индивидуализации, в плане самоидентификации купечества, и, напротив, о влиянии коллективистских представлений, которые структурировали торговую деятельность и дисциплинировали ее представителей (рис. 8).

Но стала ли глобальная типизация коммерциализации катализатором институционализации или, применительно к пространству Новгорода, являются ли купеческие гильдии с «Ивановским сто» и вече транзакционными институтами именно в западном смысле этого понятия?

Если обратиться к дефинициям «института», представленным в работе А. Грейфа, то «Ивановское

Кол-во Д	Один Д ^с			Три Д (один Б, один Д ^с)		
	НД	НД	Д ^с	Д	Д	Д ^с
Индикаторы	Перманентные преобразования как ориентация на будущее	Стратификация предпринимателей-инноваторов (Б)	Индивидуализация и дифференциация как естественный процесс	Сохранение стабильности как ориентация на прошлое и настоящее	Стратификация предпринимателей-торговцев (Б)	Коллективизм как регулятор соц-экономической деятельности
Типизация	Реификация инновационного предпринимательства			Реификация торгового предпринимательства		

Рис. 8. Оценка уровня типизации новгородского предпринимательства

сто» в большей мере является функционалистским институтом, то есть «отражает цели и интересы своих создателей», а вече, неся в себе и функционалистские черты, можно считать структурным институтом, который «структурировал человеческие взаимодействия» [14].

«Ивановское сто» по сути являлось олигархическим объединением наиболее богатых купцов республики [33], оказывавшим непосредственное влияние на всю, в том числе основную, торговую, политику города.

Что касается «зачатков банковского дела», на которые указывают некоторые исследователи [31], корпоративную культуру [48], развитые кредитные отношения [29], то речь идет о ростовщичестве, которым активно занимались такие известные новгородские купцы, как Климята [26]. Данные зачатки не переросли в какие-либо значимые для предмодернизации институциональные связи, учитывая то, что русские купцы в XIV-XV вв., в отличие от западноевропейских, не могли пользоваться бумажными векселями и услугами банковских контор [31]. То есть «Ивановское сто» не являлось уникальной современной организацией наподобие коалиции магрибских торговцев [14] или Ганзы в силу ориентации на сохранение традиций, а не создание инновационной организационной структуры. Эта ориентация на прошлое, ригидность, стала одной из причин вырождения в конце XV в. основной торговой функции в «необычную торговлю» [34]. При этом нельзя отрицать, что данной организации были присущи институциональные черты: наличие правил, которые возникли в результате совместной деятельность ее членов и в определенной мере определяли эту деятельность, а также влияние объединения на ключевые экономические и политические решения города [33].

В противоположность «Ивановскому сто», которое не имело прогрессивных (в предмодернистском) смысле институциональных черт, феномен Новгородского вече в этом смысле значительно более сложен.

Прежде всего следует понять, насколько стабильным было вече как институт и каковая его связь с торгово-предпринимательской деятельностью.

Так, в общей характеристике вече как института С. Соловьев говорит о трех типах вече: за князя, против князя и судное [19]. При этом не было постоянства состава и, соответственно, отсутствовала правовая логика решений: «сила должна была решить дело» [19]. Шумов, добавляя к этому фактор борьбы за феодальные привилегии, вообще подвергает сомнению факт феодальной республики в силу отсутствия идеи общего блага [35]. Исследователь древнерусского вечевого уклада А. В. Петров менее категоричен: обращаясь к историческим документам, он доказывает центростремительный характер вече и его эволюцию в сторону стабилизации путем установления боярской олигархии, не отрицавшей полностью роли рядовых граждан [21], что отчасти было близко городским средневековым советам [40], хотя и без распределения функций. Усиливает данную позицию факт вечевой избирательной системы [20] и особенностей судебного права: первая свидетельствует о стремлении к сохранению институциональной стабильности, а второе — «в пользу концепта *societas civilis*» [27]. Возможно, последнее утверждение является слишком оптимистичным, но налицо факт того, что каждый свободный житель обращался к вече как ко внеличному механизму разрешения проблем, рассчитывая, что его микроуровень [12], войдя во взаимодействие с другими, закономерно приведет к запуску макроуровня, которым являлось вече в качестве структурно-функционального института.

Кол-во Д	Три Д (один Б)					
	Д	Д	Д	Д	Д	Д
Индикаторы	Институциональные элементы формирования будущего	Институциональная среда инновационного предпринимательства (Б)	Институциональная среда индивидуализации и дифференциации	Институциональная среда традиционализма	Институциональная среда торгового предпринимательства (Б)	Институциональная среда формирования коллективных представлений социума
Институционализация	Транзакционные элементы инновационного предпринимательства			Транзакционные элементы торгового предпринимательства		

Рис. 9. Оценка уровня институционализации торгового предпринимательства Новгородской республики

И, несомненно, вече как локальный «самоподдерживающийся институт» [14] — стержневой механизм институционального поля торгового предпринимательства: стабилизация и олигархизация вече происходила именно в силу превалирования экономических интересов, а выделение купеческого суда в отдельный [27] — наглядное свидетельство институциональной дифференциации в целях повышения эффективности деятельности институтов.

Поэтому между отрицанием И. Л. Шумовым предпосылок в Новгороде для появления полноценных боярских корпораций, что, например, в Германии приводило к формированию городского совета [35], и утверждением Н. П. Асессоровой о сильно развитой системе предпринимательства, сопряженной с городским самоуправлением как основы экономического процветания республики [28], а также факта «societas civilis» С. Марковым [27], мы считаем справедливым следующий вывод: если иерархия купеческих гильдий и «Ивановское сто» — непередмодернизационная институциональная среда, то вече являлось структурно-функциональным институтом и несло в себе современные по меркам предмодернистской эпохи институциональные традиции и даже эволюционировало в сторону городского совета европейского типа. При этом здесь важно подчеркнуть, что в пространстве данного институционального контекста формировались, скорее, коллективистские традиционалистские представления, происходила консервация установленного сверху олигархического порядка, а не развитие республиканских традиций. Поэтому вектор индивидуализации на данной уровне перестает быть детерминантом (рис. 9).

6. Новгородская республика как «символический универсум»

Можно ли утверждать, пользуясь терминологией «социального конструирования реальности», что «институционализированные объективации» Новгородской республики стали «объективно доступными и субъективно вероятными» [12]? Вектор торгового предпринимательства свидетельствует о том, что на локальном уровне все четыре ступени, от дотеоретической до символической, были пройдены. В пространстве новгородского социума удалось создать матрицу, которая позволяла на протяжении веков кристаллизовать опыт и передавать его поколениям, сохраняя идентичность.

Если же мы выходим за рамки локального и пытаемся ответить на вопрос о том, мог ли стать новгородский опыт транслируемым в глобальном смысле, то следует указать как минимум на два непреодолимых препятствия потенциальной трансляции.

Первое препятствие — это столкновение локальной идентичности Новгорода с «московской социокультурной идентичностью (идеалами служения царю)» [36], которое, как известно, закончилось в пользу последней. Формально Новгород сохранил статус «торговых ворот», и российское торговое предпринимательство сохраняло свой статус вплоть до начала XX века¹⁰. Но это было не свободное предпринимательство, органи-

¹⁰ И, по свидетельствам, на которые ссылается Н. Харсеева, средний предприниматель, по крайней мере в Москве (рубежа XIX-XX вв. — А.А.), мало чем отличался от своего европейского коллеги» [13].

Итоги ПРДМ	Несостоявшаяся					
Кол-во Д				Два Д		
Д/Д/НД	НД	НД	НД	Д	НД	Д
Индикаторы	Перфекционизм как норма мышления деятельности	Инновационное предпринимательство как воспроизводящийся тип деятельности (Б)	Прогрессирующая индивидуализация и дифференциация	Традиционализм как норма мышления и деятельности	Торговое предпринимательство как воспроизводящийся тип деятельности (Б)	Институты формирования коллективных представлений социума
Легитимация	Инновационное предпринимательство как преемственный трансакционный институт			Торговое предпринимательство как преемственный трансакционный институт		

Рис. 10. Оценка уровня легитимации торгового предпринимательства Новгородской республики

чески формировавшееся и самоподдерживающееся снизу, а создаваемое и управляемое сверху¹¹, то есть идущее не от естественной хабиутулизации, а от искусственной легитимации, что представляет зеркально противоположную патронимичную модель, так и не приведшую российскую культуру и экономику к полной модернизации.

Второе препятствие заложено в самой локальности Новгородской республики. Существующие исследования модернизации указывают на то, что это всегда взаимный процесс общества и государства с преобладающей инициативной одной из сторон. На это указывает и Ф. Бродель, говоря о том, что государство создает нацию и наоборот [5], и отечественный политолог Б. Кагарлицкий в своем исследовании империализма [41], и многие другие¹². Но в России, по словам автора «Времени мира», все замкнуто на государстве [4]: политический, а не экономический

фактор социально-экономического развития оказал непосредственное влияние на судьбу российского предпринимательства [28].

Так как предпринимательский опыт снизу был ликвидирован вместе с Новгородской республикой и транслировался только на теоретическом и символическом уровне, а роль трансляции взяло на себя государство, в рамках нашей матрицы вектор торгового предпринимательства оказывается лишенным базового детерминанта, а предмодернизация закономерно является несостоявшейся (рис. 10).

Заключение

Если объединить все уровни, то мы видим следующий результат (рис. 11): как показал анализ уровня хабиутулизации, критерии предмодернизации (индикаторы Хофстеда), которым в полной мере отвечало

Итоги ПРДМ	Несостоявшаяся				
Легитимация	Два Д из трех				
Институционализация	Три Д из трех (один Б)				
Типизация	Один Д* (из трех)	Три Д из трех (один Б, один Д*)			
Хабиутулизация	Два Д из четырех (один Д*)	Три Д из четырех (один Б)			
ТИП ПД	Инновационное	Торговое			
↖ ↗	↖	↗	↗	↗	↗
Потенциал ПРДМ	Пять Д (один Д*)				

Рис. 11. Сводная таблица итогов ПРДМ Новгородской республики

¹¹ Так, в XVIII веке в лице Екатерины II и Павла I государство пыталось реанимировать свободное предпринимательство (Манифест от 17 марта 1755) г.), которое ранее было уничтожено централизацией [38].

¹² Авторы «Кембриджской экономической истории» [39], Р. Аллен [40], Я. Корнаи и др.

пространство Новгородской республики, стали катализатором только одного уровня — торгового предпринимательства. А индикатор предындивидуализма, соответствующий левому вектору, как ослабленный, закономерно примыкнул к неаппассионарной части и был практически поглощен коллективистскими (но не в смысле ординарности) тенденциями. Тип инновационного предпринимательства не имел корней, был лишен базового детерминанта и закономерно не обрел никаких институциональных черт. Развитие типа торгового предпринимательства привело к формированию институтов, которые характеризовались корпоративностью и системностью (купеческие гильдии с «Ивановским сто»), являлись современными по меркам эпохи и несли в себе изначальное демократическое начало (вече), хотя и были направлены на сохранение статус-кво с использованием ориентаций на прошлое и эволюционируя в сторону олигархизации.

Несмотря на это, Новгородская республика не была чужеродным элементом на фоне современного ему европейского пространства предмодернизации, являясь равноправным партнером крупнейшего торгового союза и отстаивая свой статус, что подтверждено документально.

Таким образом, анализ предпринимательской деятельности Новгородской республики свидетельствует о том, что русской культуре были присущи определенные черты предмодернизации европейского типа. Причинами того, что они не обрели преемственного характера, является как локальный характер республики и отсутствие поддержки встречных глобальных тенденций, так и сугубо политические причины, — но не культурная индифферентность по отношению к предпосылкам будущей современности, которая в локальных аспектах российской действительности продолжает нести в себе потенциал модернизации в ожидании глобальной поддержки¹³.

Благодарности

Работа выполнена в рамках темы НИР № 619403 Университета ИТМО «Методология технологического и бизнес-консалтинга на основе патентной информации в процессе управления инновациями в российских фармацевтических компаниях».

¹³ Так, социолог Н. М. Лебедева убедительно доказывает ориентацию российской молодежи именно на западные ценности инновационного развития [42].

Список использованных источников

1. В. Л. Янин. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.
2. А. А. Иванов. Интеллектуальные практики в социальных процессах цивилизации модерна//Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2010. № 1-2. С. 81-86.
3. В. Зомбарт. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2005.
4. М. Вебер. К состоянию буржуазной демократии в России//Русский исторический журнал. Зима 1998. Т. 1. № 2. С. 296-300.
5. Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. В 3-х т. Т. 3. Время мира. М.: Весь мир, 2007.
6. С. Хедлунд. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 420 с.
7. П. Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991. 800 с.
8. М. Мамардашвили. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Логос, 2004. 272 с.
9. А. А. Давыдов. Инновационный потенциал России: настоящее и будущее. 2020. http://www.isras.ru/blog_modern_3.html.
10. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу/Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.
11. А. Г. Глинчикова. Индивидуализация личности в преддверии современности. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2012. 163 с.
12. П. Бергер, Т. Лукман. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
13. Н. В. Харсеева. Трансформация духовно-нравственных основ современного предпринимательства//Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 3. С. 141-145.
14. А. Грейф. Институты и путь к современной экономике. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2013. 536 с.
15. А. А. Давыдов. Размерности культуры и инновационное развитие. https://www.ssa-rss.ru/files/File/info/Cultural_Dimensions.pdf.
16. О. Е. Котенева, А. С. Николаев, Е. Л. Богданова. Анализ исторических закономерностей развития инноваций//Экономика. Право. Инновации. 2020. № 1. С. 35-42.
17. Р. Л. Корчагин. Специфика эволюции технологического предпринимательства в развивающихся и переходных странах//Инновации. 2020. № 12 (266). С. 63-70.
18. В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. 608 с.
19. С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к Великим князьям. М.: Университетская типография, 1846. 163 с.
20. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1841. 311 с.
21. О. В. Кузьмина. Церковь и политическая борьба в Новгороде в XIV-XV вв.: дис. ... к. ист. н.: 07.00.02. Новгород. гос. ун-т. Великий Новгород, 2007.
22. А. В. Петров. От язычества к Святой Руси. Новгородские устоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. 352 с.
23. Ю. В. Латов, Н. В. Латова. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда//Мир России. 2007. № 4. С. 43-73.
24. Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М.: Индрик, 2003. 336 с.
25. Русская Правда. М.: Типография Августа Семена, 1846. 56 с.
26. О. А. Платонов. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. М.: Современник, 1995. 479 с.
27. С. М. Марков. Судебное право вечевого Новгорода XI-XIII вв.: история медиации в Древней Руси//Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 18. Серия «Политология. Религиоведение». С. 144-155.
28. Н. П. Ассессорова. Торговые связи Владимиро-Суздальских земель с востоком и Волжской Болгарией как фактор становления государственности на Руси в XII – начале XV в. (Владимири-Суздальское княжество и Новгородская республика)//В сб.: Романовские чтения. История Российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. Материалы конференции. Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова, 2008. С. 312-320.
29. В. Ф. Андреев. Северный страж Руси: Очерки истории средневекового Новгорода. Л.: Лениздат, 1983. 144 с.
30. А. Т. Горобенко. Избирательная система в средневековом Новгороде//Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 87. Ч. 2. С. 117-119.
31. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 409 с.
32. А. Г. Рагуштейн. Правовой статус немецкого купечества в Новгороде XII-XV вв./Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3-2 (15). С. 106-113.
33. А. Минжуренко. Господин Великий Новгород: купеческая республика. http://rapsinews.ru/incident_publication/20190716/301689990.html.
34. М. Б. Бессуднова. «Необычная торговля» как фактор видоизменения русско-ганзейских отношений в XV – начале XVI века//Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2019. № 5 (23). С. 1-8.
35. И. Л. Шумов. «Совет господ» и государственная печать в Новгороде и Пскове XIII-XV вв. в контексте истории городов средневековой Европы: автореф. дис. ... к. ист. н.: 07.00.02. Твер. гос. ун-т. Тверь, 2006.
36. Т. В. Линицкая. Проблема социокультурной идентичности в новгородской художественной культуре второй половины XV века//Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 38. С. 80-83.

37. Е. Э. Пачкунова. Место и роль женщины в жизни новгородского общества XII-XIV вв. на материале берестяных грамот. <http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Pachkun.htm>.
38. В. М. Кудров. Россия и мир: экономика России в мировом контексте. СПб.: Алетейя; М.: ГУВШЭ, 2010. 575 с.
39. Кембриджская экономическая история. В 3-х т. Т. 1: 1700-1870. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
40. Р. Аллен. Глобальная экономическая история. Краткое введение. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 224 с.
41. Б. Ю. Кагарлицкий. От империй к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Высшая школа экономики, 2010. 680 с.
42. Н. М. Лебедева. Кросс-культурные особенности отношения российской молодежи к инновациям. <https://publications.hse.ru/chapters/66134896>.
43. G. Hofstede. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills: Sage, 1980.
44. Someren T.C.R.V. Regional growth and development in Russia by strategic innovation//Regionalistics. 2015. Vol. 2. № 1. P. 6-22.
45. В. В. Момотов. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв.: монография. М., 2016.

References

1. V. L. Yanin. Essays on the history of medieval Novgorod. M.: Languages of Slavic cultures, 2008. 400 p. (In Russian.)
2. A. A. Ivanov. Intellectual practices in the social processes of modern civilization//Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2010. № 1-2. P. 81-86. (In Russian.)
3. V. Sombart. Bourgeois: on the history of the spiritual development of the modern economic person. Collected works in 3 volumes. Vol. 1. SPb.: Vladimir Dal, 2005. (In Russian.)
4. M. Weber. Towards the state of bourgeois democracy in Russia//Russian historical journal. Winter 1998. Vol. 1. № 2. P. 296-300. (In Russian.)
5. F. Braudel. Material civilization, economics and capitalism of the 15th-18th centuries. In 3 volumes. Vol. 3. Time of the world. M.: The whole world, 2007. (In Russian.)
6. S. Hedlund. Invisible hands, the experience of Russia and social science. M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2015. 420 p. (In Russian.)
7. P. Ya. Chaadaev. Complete Works and Selected Letters. M.: Nauka, 1991. 800 p. (In Russian.)
8. M. Mamardashvili. Consciousness and civilization. Texts and conversations. M.: Logos, 2004. 272 p. (In Russian.)
9. A. A. Davydov. Innovative potential of Russia: present and future. 2020. http://www.isras.ru/blog_modern_3.html. (In Russian.)
10. Culture matters. How values contribute to social progress/Ed. L. Harrison and S. Huntington. M.: Moscow School of Political Research, 2002. 320 p. (In Russian.)
11. A. G. Glinchikova. Individualization of personality on the eve of modernity. Grew up. acad. Sciences, Institute of Philosophy. M.: IFRAN, 2012. 163 p. (In Russian.)
12. P. Berger, T. Lukman. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. M.: Medium, 1995. 323 p. (In Russian.)
13. N. V. Kharseeva. Transformation of the spiritual and moral foundations of modern entrepreneurship//Bulletin of the Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov. 2014. Vol. 20. № 3. P. 141-145. (In Russian.)
14. A. Greif. Institutions and the path to the modern economy. M.: Ed. House Higher School of Economics, 2013. 536 p. (In Russian.)
15. A. A. Davydov. Dimensions of culture and innovative development. https://www.ssa-rss.ru/files/File/info/Cultural_Dimensions.pdf. (In Russian.)
16. O. E. Koteneva, A. S. Nikolaev, E. L. Bogdanova. Analysis of historical patterns of innovation development//Economy. Right. Innovations. 2020. № 1. P. 35-42. (In Russian.)
17. R. L. Korchagin. The specifics of the evolution of technological entrepreneurship in developing and transitional countries//Innovations. 2020. № 12 (266). P. 63-70. (In Russian.)
18. V. G. Fedotova, V. A. Kolpakov, N. N. Fedotova. Global Capitalism: Three Great Transformations. M.: Cultural revolution, 2008. 608 p. (In Russian.)
19. S. M. Soloviev. On the relationship of Novgorod to the Grand Dukes. M.: University Printing House, 1846. 163 p. (In Russian.)
20. Complete collection of Russian chronicles. SPb.: Printing house of Eduard Prats, 1841. 311 p. (In Russian.)
21. O. V. Kuzmina Church and political struggle in Novgorod in the XIV-XV centuries. Novg. State un-t. Velikiy Novgorod, 2007. (In Russian.)
22. A. V. Petrov. From paganism to Holy Russia. Novgorod strife (to the study of the Old Russian veche way). SPb.: Publishing house of Oleg Abyshko, 2003. 352 p. (In Russian.)
23. Yu. V. Latov, N. V. Latova. Discoveries and paradoxes of ethnometric analysis of Russian economic culture according to the method of G. Hofstede//World of Russia. 2007. № 4. P. 43-73. (In Russian.)
24. Birch bark letters: 50 years of discovery and study. M.: Indrik, 2003. 336 p. (In Russian.)
25. Russian Truth. M.: Printing house of August Semyon, 1846. 56 p. (In Russian.)
26. O. A. Platonov. 1000 Years of Russian Entrepreneurship: From the History of Merchant Clans. M.: Sovremennik, 1995. 479 p. (In Russian.)
27. S. M. Markov. Judicial law of the Vechevov Novgorod Republic of the XI-XIII centuries: the history of mediation in Ancient Rus//Bulletin of the Irkutsk State University. 2016. Vol. 18. Series «Political Science. Religious Studies». P. 144-155. (In Russian.)
28. N. P. Assessorova. Trade relations of the Vladimir-Suzdal lands with the east and Volga Bulgaria as a factor in the formation of statehood in Russia in the 12th – early 15th centuries. (Vladimir-Suzdal principality and the Novgorod republic)//In the collection: Romanov readings History of Russian statehood and the Romanov dynasty: topical problems of study. Conference materials. Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov, 2008. P. 312-320. (In Russian.)
29. V. F. Andreev. Northern Guard of Russia: Essays on the history of medieval Novgorod. Leningrad: Lenizdat, 1983. 144 p. (In Russian.)
30. A. T. Gorobenko. The electoral system in medieval Novgorod//Bulletin of the Novgorod State University. 2015. № 87. Part 2. P. 117-119. (In Russian.)
31. Diplomas of Veliky Novgorod and Pskov. M.-L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 409 p. (In Russian.)
32. A. G. Ragunstein. The legal status of the German merchants in Novgorod XII-XV centuries//Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2010. № 3-2 (15). P. 106-113. (In Russian.)
33. A. Minzhurenko. Mr. Veliky Novgorod: a merchant republic. http://rapsinews.ru/incident_publication/20190716/301689990.html. (In Russian.)
34. M. B. Bessudnova. «Unusual trade» as a factor in the modification of Russian-Hanseatic relations in the 15th – early 16th centuries//Scientific notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University. 2019. № 5 (23). P. 1-8. (In Russian.)
35. I. L. Shumov. «Council of Lords» and the state press in Novgorod and Pskov XIII-XV centuries. in the context of the history of the cities of medieval Europe. Tver state university. Tver, 2006. (In Russian.)
36. T. V. Linitckaya. The problem of sociocultural identity in the Novgorod artistic culture of the second half of the 15th century//Bulletin of the Novgorod State University. 2006. № 38. P. 80-83. (In Russian.)
37. E. E. Pachkunova. The place and role of women in the life of Novgorod society in the 12th - 14th centuries. based on birch bark letters. <http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Pachkun.htm>. (In Russian.)
38. V. M. Kudrov. Russia and the World: Russian Economy in a Global Context. SPb.: Aleteya; M.: GUVSHE, 2010. 575 p. (In Russian.)
39. Cambridge Economic History: in 3 volumes. Vol. 1: 1700-1870. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2013. (In Russian.)
40. R. Allen. Global economic history. Short introduction. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2013. 224 p. (In Russian.)
41. B. Yu. Kagarlitskiy. From empires to imperialism. State and the emergence of bourgeois civilization. M.: Higher School of Economics, 2010. 680 p. (In Russian.)
42. N. M. Lebedeva. Cross-cultural features of the attitude of Russian youth to innovation. <https://publications.hse.ru/chapters/66134896>. (In Russian.)
43. G. Hofstede. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills: Sage, 1980.
44. Someren T.C.R.V. Regional growth and development in Russia by strategic innovation//Regionalistics. 2015. Vol. 2. № 1. P. 6-22.
45. V. V. Mомотов. Formation of Russian medieval law in the 9th-14th centuries: monograph. M., 2016. (In Russian.)